

Комиссия

Дин Вэньхуа

Вэньхуа ждал начала работы комиссии в комнате для совещаний. Он пришел заранее, но не успел переговорить с Ши дайфу, и сейчас сильно нервничал, хоть и старался не подавать виду. В коридоре он уже столкнулся с родственниками пациента и послушал от них много нового, но в ответ лишь сдержанно сказал, что именно для обсуждения этих вопросов они все сейчас и встретятся. Вэньхуа не считал, что допустил ошибку. Он не справился со сложной задачей, но не ошибся. При этом он обсуждал перспективы с родственниками пациента и не ожидал, что поступит жалоба.

Сейчас родственники пациента требовали отстранить его от работы и грозили судом, клиника договорилась на проведение расследования, результаты которого будут доступны всем заинтересованным сторонам.

В переговорной собиралось все больше людей. Жена и племянник погибшего, их адвокат, Ши дайфу, Син цзынли, юристка Хусин, почему-то Чжан дайфу и еще несколько человек, и Вэньхуа чувствовал себя так, будто находится в суде и обвиняется в умышленном убийстве.

Ветер Перемен

Когда все собрались, первым начал говорить Син цзынли. Он лично контролировал расследование и был больше всех заинтересован в то, чтобы разобраться в ситуации.

- Добрый день, дамы и господа. Мы собрались, чтобы выяснить, что случилось с Ваном сяншеном, и была ли врачебная ошибка или халатность Дина дайфу причиной его смерти. По заключению патологоанатома смерть наступила в результате кровотечения, возникшего вследствие разрыва аневризмы сосуда головного мозга, которое не удалось своевременно остановить во время проведенной нейрохирургической операции. Есть снимки, сделанные во время поступления пациента в клинику, на них виден геморрагический инсульт, то есть очевидно, что сосуд был поврежден до операции. Есть информированное согласие родственников на проведение операции, в котором указаны возможные последствия, включая смерть пациента. У кого-то есть вопросы по отчету патологоанатома?

- У нас нет, - сказала Ли ньюши, юристка клиники.

- У нас нет, - сказал юрист родственников.

- Хорошо. В чем состоит суть обвинений в адрес Дина дайфу? – спросил главврач.

- В том, что он начал проводить операцию, которая не могла привести к положительному исходу. Видимо, чтобы получить больше денег от страховой компании, которая оплачивала лечение Вана сяншена, - сказал юрист.

- Дин дайфу, что на это скажете вы? – спросил Син цзынли.

Дин Вэньхуа

Все это было бы похоже на абсурдный цирк, если бы не приходилось слушать все это в свой адрес, доказывая, что ты – не верблюд. Вэньхуа понимал, что общение с родственниками пациентов – часть его работы. В том числе для того, чтобы сообщать плохие новости. В том числе, когда пациенты умирают. В этой части работы не было ничего приятного, но Вэньхуа научился воспринимать её как должное. Люди реагировали по-разному. Кто-то винил его, кто-то винил себя, кто-то не искал виноватых, но сильно переживал потерю. Но одно дело говорить и отвечать на вопросы в рабочей атмосфере, другое – присутствовать на таких разборах с юристами, страховщиками, всем начальством, цыганами и медведями.

- Я взялся проводить операцию, потому что при ней был минимальный шанс, что пациент выживет. Кровь находилась в желудочках мозга и по мере накопления приводила к дислокации, которая в течение короткого времени привела бы к смерти пациента из-за сдавливания жизненно важных центров в стволе мозга. Без операции шансы были нулевыми. К сожалению, в данном случае операция не позволила своевременно остановить кровотечение, и пациента спасти не удалось.

Ветер Перемен

- Дин дайфу говорил вам о том, что шансы Вана сяншена выжить невелики? – спросил Син цзынли у вдовы.

- Да, но мы надеялись, что они все-таки реальны, - ответила Ван тайтай.

- Ши дайфу, что вы можете сказать о данной ситуации, были ли у пациента шансы? – спросил главврач у заведомо.

- Минимальные. Почти нулевые, - ответил Ши дайфу. – Но в оправдание Дина дайфу могу сказать, что в его практике были случаи, когда при подобном раскладе пациенты выживали, более того, были те, кто успешно восстанавливался.

- Я думаю, что начальник всегда будет выгораживать своего подчиненного, - сказал племянник господина Вана. – Я говорил с Чжаном дайфу, он сказал, что в таких ситуациях не принято проводить операции, потому что это дорого и бессмысленно. Он – один из нейрохирургов в вашей клинике, и, говорят, работал и учился в США. Его мнению я доверяю.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа молчал и слушал. Он с благодарностью посмотрел на Ши дайфу, который прямо сказал о тех причинах, по которым он на самом деле взялся за операцию. Таких случаев было мало. Наилучшие результаты восстановления были у Юна сяншена, еще в трех случаях у пациентов оставался слабовыраженный гемипарез и у пяти нарушения были серьезными и пожизненными. И, разумеется, было немало случаев, когда пациентов не удавалось спасти. Как правило, они умирали вскоре после операции.

А дальше стало интересно. Вэньхуа нормально относился к конкуренции на работе: она давала стимул развиваться. С тем же Ли они могли долго спорить о методах и сравнивать результаты работы, особенно на утренних летучках в присутствии Ши дайфу. Могли даже спорить с ним за право проведения некоторых операций. Но то, что делал Чжан, не было простым соперничеством. Это было настолько гнусно, что Вэньхуа не знал, как правильнее реагировать. И это был второй случай, когда Чжан пытался его сильно подставить, явно стремясь выжить из клиники.

Ветер Перемен

- И вы считаете, опираясь на мнение Чжана дайфу, что проведение операции в данном случае было врачебной ошибкой? – спросил Син.

- Нет, преступной самонадеянностью, - сказал юрист родственников. – Именно так называется авантюристическая, необоснованная надежда избежать осложнений.

- Чжан дайфу, вы тоже так считаете? – спросил главврач.

- Я считаю, что нужно считаться с чувствами родственников пациента, - ответил Чжан. – Если случай безнадежен, не нужно давать надежду. И проводить бессмысленную операцию, когда пациента следует оставить в покое и дать ему уйти.

- Я понял ваше мнение, - сказал Син. – Ши дайфу, с кем из ваших подчиненных согласитесь вы?

Завотделением встал со своего места и положил перед собой стопку историй болезни.

- Конечно, чувства родственников важны. Иногда хирургам прощают явные ошибки, когда те находят подход к родственникам, пользуясь личным обаянием, и умеют создавать нужный имидж, - сказал Ши. – А иногда те из хирургов, кто просто привык делать свою работу, не умеют находить нужные слова и не кажутся достаточно авторитетными. Особенно в ситуации, когда потерявшие близкого человека родственники пытаются найти причины случившегося. Вот это – пациенты, которых оперировал Дин дайфу при геморрагическом инсульте в ситуации, когда никто не стал бы его обвинять, если бы он отказался от операции как бессмысленной. Вот эти пациенты, - он отложил большую часть стопки до закладки в сторону, - не выжили. То есть погибли во время операции или в течение первого месяца после операции. Вот эти, - он придвинул вперед более тонкую стопку. – Выжили. Если бы каждый раз родственники тех, чья карта будет в этой стопке, - он кивнул на карты погибших пациентов, - будут подавать жалобы и выяснять, так ли нужно было проводить трепанацию, карт в этой стопке, - он указал на карты выживших, - не будет. Дин дайфу тоже скажет, что если случай безнадежен, не нужно давать надежду, нужно дать пациенту спокойно уйти, позволив отеку раздавить жизненно важные центры мозга об основание черепа.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа отложил на край стола ручку, которую теребил в руках. Ему было сложно не

выдавать нервозность, и еще сложнее – скрыть то, что сейчас он в подробностях представлял, как сжимает руки на глотке Чжана. Даже за полтора года командировки в военный госпиталь он ни разу не испытывал такой ненависти к определенному человеку. И он не чувствовал за это вины. Чжан был для него опасен. Он дважды напал, пока промахнулся, но вряд ли на этом остановится.

Ши дайфу явно подготовился, и выступил в защиту Вэньхуа куда красноречивее, чем это могли бы сделать Син цзынли или юристка клиники. Никто еще не ответил на слова заботделением, но уже чувствовалось, что настроение в этой комнате менялось. Вэньхуа перестал себя чувствовать преступником с мешком на голове и пистолетом у затылка за пару минут до казни. Но он понимал, что терпение начальства не может быть безграничным, и каждый раз, когда они вставали на его сторону, он должен был оправдывать их доверие. В этот раз, если бы он забыл про информированное согласие, смягчил формулировки во время разговора перед операцией или допустил бы хотя бы малейшую техническую ошибку, разговор был бы совсем другим.

Ветер Перемен

- Остается открытым вопрос оплаты операции, - сказал юрист родственников.

- Нет-нет, у нас нет вопросов, - сказала Ван тайтай и украдкой вытерла платком глаза. – Я хочу принести извинения Дину дайфу.

- Но..., - попытался вставить слово племянник.

- Нет, Сяован, я зря послушала тебя, ты зря все это затеял. Я хочу отозвать жалобу, это возможно, Син цзынли?

- Да, конечно, Ван тайтай, - ответил главврач. Он посмотрел на Ши и чуть улыбнулся.

Чжан стиснул челюсти, а на его висках проступили вены, но он промолчал. Но тоже бросил взгляд в сторону заведующего, каким смотрит затравленная собака, огрызаясь в ответ на наказание.

Дин Вэньхуа

Взгляд Чжана был небольшой реабилитацией за все произошедшее, но Вэньхуа больше смотрел не на него, а на вдову пациента. Она любила своего мужа и сильно переживала, когда он попал в клинику. Его нашли без сознания, он был один дома, потому что Ван тайтай уезжала на два дня к родственникам. Нашли бы раньше – все могло быть иначе.

- Примите еще раз мои соболезнования, Ван тайтай, - сказал Вэньхуа, затем встал со своего места, поклонился, после чего сел обратно.

Ши дайфу всегда был первым, кто был готов открутить ему голову за слишком рискованные операции. Много раз предупреждал, что такие разборки могут быть, потому что чудеса случались крайне редко, а родственники злились крайне часто. Но сегодня Вэньхуа понял, каким на самом деле был взгляд начальника на эту

ситуацию, и это было победой.

У родственников пациентов всегда была возможность отказаться. Вэньхуа всегда прямо говорил, что шансы минимальны, когда они были таковыми. Но, как правило, все цеплялись за эту последнюю надежду и подписывали согласие.

Ветер Перемен

- В таком случае, не смею никого задерживать, - сказал Син цзынли.

Он перекинулся парой фраз с юристкой, затем встал со своего места, собрал документы и вышел. Следом стали расходиться остальные. Ши пошел вместе с главврачом, не став дожидаться ни Чжана, ни Дина. Родственники вышли вместе со своим юристом, из этой троицы говорила только Ван тайтай – она отчитывала племянника.

- Я смотрю, вы здесь в любимчиках, - сказал Чжан, задержавшись, чтобы остаться наедине с Дином.

Он даже прикрыл дверь, чтобы у разговора не было свидетелей.

Дин Вэньхуа

- Мне не о чем с вами говорить, Чжан дайфу, – сказал Вэньхуа.

Он обошел столы, стоявшие прямоугольником, но остановился возле дверей, потому что там мешался Чжан. Вэньхуа не понимал, зачем тот затевает какой-то разговор. Он был умнее приснопамятного Ши дайфу, потому вряд ли собирался лезть в драку. Но Син цзынли на этот раз не оценил бы, если бы Вэньхуа снова оказался у него на ковре с подбитым глазом.

Чжан бесил. Взглядом, мимикой, жестами, манерой держаться так, будто при лишнем движении с его головы упадет корона. Он обычно не кланялся при встрече, небрежно объясняя это тем, что отвык в США от китайских манер. Но и руку не подавал, чтобы это можно было считать оправданием.

Вэньхуа не хотел развязывать войну и как-либо нападать, но после сегодняшнего подумал, что этот противник может натворить много бед до того, как его тело проплывет мимо по реке.

Ветер Перемен

Чжан фыркнул.

- Вы обиделись, что я общался с родственниками ваших пациентов? У вас здесь принято друг друга выгораживать, рука руку моет? Вон как Ши дайфу речь подготовил.

Он присел на край стола и скрестил руки на груди. На Вэньхуа он смотрел высокомерно, и общался в привычной снисходительной манере. Это началось с тех пор, как Чжан случайно узнал о том, что Вэньхуа зарабатывает существенно

больше. Не имея научной степени и закончив Пекинский университет. Несопоставимо хотя бы с тем, сколько Чжан вложил в одно образование.

- В Китае никогда не будет нормальной медицины, пока все будет вот так по блату, - сказал Чжан. — И вы не будете учиться и меняться, потому что знаете, что вас прикроют. Так и будете советовать пить больше воды от всех болезней.

Дин Вэньхуа

Нужно медленно вдохнуть через нос, считая до пяти, затем медленно выдохнуть, считая до восьми. Повторяя упражнение второй раз, можно подобрать слова, чтобы ответить. Чжан специально добивался того, чтобы вывести его из себя, и Вэньхуа считал, что сохранить лицо означало не поддаваться на провокации.

- По-вашему, западная медицина — это отказываться от сложных случаев, чтобы никто не жаловался, и решать профессиональные вопросы через родственников пациентов, а не через руководство клиники? — спросил Вэньхуа. — Если так, я предпочту быть представителем отсталой китайской медицины.

Поступок Чжана он считал подлостью. Если тот был в курсе ситуации и не согласен, он мог поднять вопрос во время утренней летучки, на одной из которых в обычном порядке обсуждался этот случай. Тогда Чжан молчал, будто набрал в рот воды. Вэньхуа было бы проще его понять, если бы он выступил со своей речью о чувствах родственников на совещании, а потом бы поговорил с этими родственниками. Так его роль убежденного правдорука была бы чуть реалистичнее.

Ветер Перемен

- Дин дайфу, вы просто никогда не работали в американском госпитале, поэтому вам кажется, будто я поступаю подло, когда я всего лишь добиваюсь честности и профессионализма, - сказал Чжан.

Он стажировался в университетской клинике до того, как вернуться в Китай, и считал, что получил там очень хороший опыт, позволивший ему без особых проблем получить место в клинике Хусин.

Они с Дином были примерно одного возраста, но Чжан считал, что у него больше опыта и намного больше знаний. И для него было бы логичным, если бы его зарплата была бы как минимум не меньше той, что получал любимчик начальства.

Дин Вэньхуа

Дыхание ровное, глубокое и спокойное. От него зависит ритм сердцебиения, и это позволяет лучше себя контролировать и сохранять более ясный ум. Но в памяти Вэньхуа все ярче всплывали пугавшие образы, которые ему снились, которые возвращались в сознание по любому поводу, и с которыми с трудом удавалось справиться с помощью психотерапии. Помня совет Мина дайфу, он вспомнил другой образ. Яркий и светлый. Воздушного змея, которого они с Мэйлин запускали в Цзинлу. Как он летел над горами, как ветер перебирал ленты, как было солнечно и хорошо. Вереница пугавших образов разорвалась, распавшись на отдельные догорающие угли.

- Я полтора года работал в американском госпитале, - ответил Вэньхуа, пристально посмотрев на Чжана. – И за все полтора года не было ни одной жалобы и ни одного совещания, похожего на сегодняшнее. Я даже не видел ни одного родственника пациента. Вы когда-нибудь проводили краниотомию при свете двух ручных фонариков? Оперировали пациента, лежащего в засыпанном песком коридоре госпиталя, вернее того, что от него осталось после бомбардировки? Проводили пять, семь, десять операций за день? Без микроскопа, без нормальных фрез, если нет электричества – без коагулятора? Я предлагаю не мериться, чей госпиталь более американский. Мы не поймем друг друга.

Он пошел к выходу и перешагнул через вытянутые ноги Чжана. Тот считал отсутствие манер доказательством его западного образования.

Ветер Перемен

Чжан с удивлением выслушал ответ Дина, затем прищурился. Этот китаец оказался не так прост, но его выступление не убедило Чжана в том, что соперника не стоило подвинуть с пьедестала, куда его возвело начальство.

- Не хотел вас задеть, - фыркнул Чжан. – До свидания, Дин дайфу.

Он дождался, пока Дин выйдет из переговорной, и вышел следом. Пока больше ничего не сказал, но начал обдумывать, можно ли использовать полученную информация для того, чтобы нанести новый удар. Стало понятно, что за ПСТР лечил Дин у психиатра, но там, к сожалению, источник информации был утерян. Да и лечение, видимо, шло своим чередом, потому что Дин, говоря о своем опыте работы, не выходил из себя и не впадал в панику. Либо удар был недостаточно ощутимым, либо стоило зайти с другой стороны.
